

УДК 811.161

Г. С. Яроцька

докторка філологічних наук, професорка,
завідувачка кафедри нових медій і медіадизайну
Одеського національного університету імені І. І. Мечникова

ЛИНГВОАКСИОЛОГИЯ РОДСТВА В ИСТОРИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Метою наукової розвідки є вивчення мовно-системних засобів втілення ідеї спорідненості в давньосхідній слов'янській культурі та реконструкція її концептуальної бази. Дослідження динаміки семантичного та номінативного простору в історії російської культури дозволило виокремити використану / невикористану, оцінну та семантичну щільність цього поняття в історичній ретроспективі. Ідеологічний потенціал спорідненості в сучасному російському дискурсі міжнародних відносин, де модуль спорідненості (братерства) східнослов'янських народів використовується як частотна метафорична модель, формує семантичну безперервність аксіокатегорії спорідненості в російській мовній культурі. Його актуальність підтверджується такими мовними фактами, як-от: щільне номінативне поле спорідненості; частота лексем, пов'язаних зі спорідненістю (за Російський національним корпусом). Аналіз паралельних корпусів східнослов'янських мов підтверджує семантичну неперервність ідеї спорідненості. Додаткові докази паралельних корпусів дозволяють підтвердити або відкинути ідею лінгвоспецифічності номінативного поля спорідненості в сучасних слов'янських мовних культурах.

Ключові слова: лінгвоідеологія спорідненості, лексичні одиниці номінативного поля спорідненості, аксіокатегорії, східнослов'янська культура, лінгвоспецифічність, паралельний корпус.

Постановка проблеми в общем виде. Аксиология родства непосредственно связана с ценностями социально-экономического устройства общества в конкретный исторический период, и может быть представлена ценностями социальных групп и коллективов, взаимодействующих в рамках существующих политических и экономических институтов, функционирующих в государстве. Понимание ценности родства как значимости, актуальности данного смыслового образования для представителей определённой лингвокультуры обуславливает правомерность лингвистического подхода к изучению аксиологии родства в исторической ретроспективе.

Степень исследования проблемы в современной лингвистике. Лингвоаксиологическая проблематика рассматривается в многочисленных исследованиях российских, украинских и зарубежных ученых, выполненных в рамках различных направлений: когнитивной лингвистики (А. Н. Баранов, Н. Н. Болдырев,

В. З. Демьянков, Е. С. Кубрякова), аксиологии и аксиологической лингвистики (Е. В. Бабаева, С. Г. Воркачѳв, А. А. Ивин, В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин), лингвокультурологии и лингвоконцептологии (А. Вежбицкая, А. Д. Шмелев, В. В. Красных, В. И. Кононенко, Н. В. Слухай, А. Н. Приходько, В. А. Маслова, Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин), политической лингвистики и медиалингвистики. Комплексный характер предлагаемого исследования обусловлен обращением к трудам по истории, политологии, психологии, социологии, философии, когнитивной и корпусной лингвистики. В работе мы опираемся на ряд положений аксиолингвистики, наиболее важными из которых для нас является констатация того, что семантическая плотность той или иной тематической группы слов, детализация наименования, выделение смысловых оттенков, частотность употребления лексем данной тематической группы, метафорический потенциал являются сигналом лингвистической ценности внеязыкового объекта. «В этом случае наступает отождествление ценности и актуальности явления» [6, с. 4]. Из этого следует, что подтверждением значимости, актуальности для языкового сознания того или иного концепта может служить не только номинативная плотность, но и лексико-семантическая (в том числе и коннотативная), а также деривационная активность его вербальных репрезентантов. Подобная активность слова, в целом, пропорциональна его частотности, степени многозначности, словообразовательной и фразеологической продуктивности, разнообразию синтагматических возможностей. Таким образом, исследуя динамику семантического и номинативного пространства родства в истории русской культуры, мы сможем выявить актуальность /неактуальность, оценочность и семантическую плотность данного понятия в ретроспективе. Применение историко-сравнительного метода и приѳема культурно-исторической интерпретации, методики дефиниционного и концептуального анализа позволит воссоздать прототипическую модель родства и её оценочный потенциал в современной русской лингвокультуре. На этапе обработки эмпирических данных продуктивными оказались методы лексического, семантического, контекстного анализа, нами применялись общенаучные приѳемы наблюдения, классификации, количественных подсчетов и др. На всех этапах научного исследования сохраняли актуальность дескриптивный метод и приѳем интроспекции, который заключался в обращении к языковой интуиции исследователя в процессе лингвистического моделирования.

Эмпирической базой послужили материалы, извлекаемые из следующих источников: этимологические словари русского языка, толковые словари древнерусского и церковнославянского языков, толковые словари современного русского языка, словари синонимов, словообразовательные словари русского языка, Словарь пословиц русского народа В. И. Даля (всего более 400 единиц), ассоциативные словари славянских языков, Частотный словарь русского языка, данные НКРЯ. Перспективой для дальнейшего исследования представляется использование данных параллельных корпусов для точного определения и выявления так называемой лингвоспецифичной лексики, которая «труд-

но» или особенно неоднозначно переводится на другие языки (ср. [2]). Для этого необходим количественный и качественный анализ моделей перевода такой лексики. Предполагается, что при переводе лингвоспецифических слов, являющихся аксиогенными в той или иной лингвокультуре, будет использоваться множество вариантов и моделей перевода, «в среднем на каждую будет приходиться сравнительно немного контекстов, а частота самой частотной из них не будет сильно отличаться от остальных (и он будет занимать лишь небольшой процент от общего числа соответствий)» [28].

Вокруг этого и схожих понятий, как известно, ведётся оживлённая дискуссия (ср. критику исследования «языковой картины мира» в статье А.В. Павловой [20], а также обзор дискуссии в статье М.М. Руссо [24] и в книге «Константы и переменные русской языковой картины мира» [31, с. 637]. В связи с этим считаем, что применение статистических методов к выделению лингвоспецифичной лексики на параллельном корпусе является актуальной задачей, поскольку некоторые сравнительные характеристики славянских языков современного периода дадут возможность говорить не только об эволюционной специфике ценности родства в русской культуре, но и в славянском лингвокультурном сообществе в целом. Таким образом, в данной статье предложен лингвоаксиологический анализ идеологии родства в исторической ретроспективе, поскольку «картина мира, закодированная средствами языковой семантики, со временем может оказаться в той или иной степени пережиточной, реликтовой <... > возникают расхождения между архаической и семантической системой языка и той актуальной ментальной моделью, которая действительна для данного языкового коллектива и проявляется в порождаемых им текстах, а также в закономерностях его поведения» [7].

Целью работы является изучение системно-языковых средств воплощения лингвоидеологии родства в древней восточнославянской культуре, реконструкции её концептуальной базы.

Изложение материалы исследования. Представление о значении кровного родства входит во все культуры, оно коренится в универсальном противопоставлении своего и чужого. «Для русской культуры родственные чувства имеют особое значение, что всегда отмечается исследователями русского национального характера<...> поскольку родственные отношения обладают не только огромной ценностью, но и чрезвычайной насыщенностью (относиться *как к родному, как родной*)» [412, с. 155]. Для того, чтобы подтвердить специфичность идеологии родства в русской лингвокультуре, нужно обратиться к анализу социально-экономических и языковых фактов.

На наш взгляд, специфика языковой объективации идеи родства, может проявляться в разветвлённой системе языковых средств, высокой плотности номинативного поля соответствующего концептуального пространства, семантической презумпции номинантов родства, внутренней форме лексем как ценностном мотиве, широкой представленности в паремиологическом фонде языка, словообра-

зовательном и метафорическом потенциале, а также в частотности употребления номинантов концептуального пространства родства в различных типах дискурса. Все эти показатели значимости, ценности родства для лингвокультурного сообщества в тот или иной исторический период могут быть осмыслены как в хронологическом сравнительном аспекте, так и в контрастивном. Именно эти два аспекта (хронологический и контрастивный) стали основными подходами, реализуемыми в данном исследовании, посвящённом анализу вербальной объективации ценностной специфики родства в русской культуре.

Лингвоаксиология родства в киеворусский период

Опора на социально-экономические, культурно-исторические факты позволяет осуществить комплексный, системный подход к анализу лингвоаксиологии родства в восточнославянской культуре киеворусского периода как исходной точке лингвокультурной динамики. Выделение нами киеворусского периода обусловлено не только общественно-историческими, хронологическими критериями периодизации, но и языковыми. Мы исходим из признания того, что эпоха донационального периода развития восточнославянских языков имеет когнитивно-аксиологическую модель действительности – модель миропорядка, которая представляет собой зафиксированные в языке и актуализирующиеся средствами языка знания о человеке и его месте в мире. Мы опираемся не только на исторические и археологические исследования, но и на этимологические данные для того, чтобы реконструировать аксиологический уровень сознания и мировоззрения древних восточных славян.

Исходя из характеристик социально-экономического устройства Киевской Руси, у древних восточнославянских племён существовало своё государство в период перед крещением Руси, по мнению историков [3; 9; 11; 14; 26; 27; 34] и при этом не было классового общества, в частности, феодального. Более того, судя по воинским победам восточных славян над соседями и по тому, что сама «царица мира» Византия платила им дань, то получалось, что «оригинальный» уклад общества и государства наших предков был более эффективным, гармоничным и выигрышным по сравнению с другими укладами и структурами того периода у других народов [27].

Все историки едины, считая, что в социальной организации славян господствовало локальное сообщество, локальный мир. Эти локальные сообщества обычно насчитывали от нескольких десятков до нескольких сотен человек, социальные связи основывались непосредственно на эмоциональных отношениях. По мнению историков, в древнейшие времена славяне имели исключительно родственный, на одних кровных началах и отношениях основанный быт. Все виды деятельности: трудовая, обрядовая, организационная и т. д. –осуществлялись в форме непосредственных личностных контактов. Связь между людьми базировалась на общем происхождении от единого предка, родоначальника. В эти времена о других отношениях они не имели никакого понятия, и потому, когда они появились, подвели и их под те же родственные, кровные отношения [3; 11; 26; 34]. Таким образом, все

отношения между людьми осознаются через формы родства или через формы, прямо из него вытекающими.

Этимологические исследования подтверждают тот факт, что в основе практически всех наименований лиц в статусном аспекте в языке киеворусского периода лежит идея родства, общности происхождения. Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов говорят о том, что в индоевропейских диалектах предводитель рода мог называться словом того же корня (*-rod-*). Это относится и к слову со значением *царь* [1, с. 750]. Первоначальный смысл слова *князь* – отец, основатель, предводитель рода, племени [37, с. 180]. Новобрачных, как основателей новой семьи, именуют *князем* и *княгиней*. Глава рода мог носить название *старца*, *володаря*, *князя*. Таким образом, язык древних славян позволяет считать, что все свои взаимоотношения славяне истолковывали через родственные отношения.

По мнению О. Н. Трубачёва, *rod*, *roditi* первоначально связывалось со смыслами 'успех', 'процветание', 'урожай', 'прибыль', 'забота' [32, с. 137]. Подтверждение этой гипотезы находим у М. Фасмера: ср. сербохорв. *rodina* 'обилие плодов', словен. *Rodina* – то же [33, т. 3, с. 491]. Показательно также, что слова *rod* и *семья* во многих славянских языках являются однокоренными, ср. укр. *родина*, блр. *родзіна*, чешск., словц. *rodina* со значением 'семья' [33, там же]. В дальнейшем слово *rod* начинает обозначать не только факт рождения и происхождения, указание на кровное родство (семья, родня, родственники), но и отнесение к целому поколению, позднее – совокупности поколений, происходящих от одного родоначальника [30, т. 3, с. 135–136]. Индоевропейские основы, с одной стороны, участвовали в образовании ряда терминов кровного родства, с другой – дали название главной единице семейно-родового устройства (рода). Разрастание социальной категории рода до размеров племени вызывает приращение смыслов слова: *rod* становится обозначением племени, народа. Как считает Е. В. Маслий, «специфика развития славянской терминологии выразилась в том, что и.-е. **pel-* / **ple-* 'производить', 'рождать' не сохранилось в славянском ареале. С таким значением выступило ст.-слав. новообразование *roditi*. Это перераспределение значений оказало решающее воздействие на семантику новых славянских терминов, обозначающих родственные коллективы: *rod* и *pleme*» [16, с. 54–55].

Таким образом, примитивные общества, в частности древнерусское общество киеворусского периода, характеризуется превалированием коллективных интересов и меньшей потребностью в приватности как регулирующем факторе. Ценность общинности, солидарности превалирует над ценностью суверенитета личности, которая, как видим, из языкового материала являлась антиценностью для древнерусского сознания. Обособление, отчуждение от коллектива (мира, рода) имело негативную оценочность – *выродок*, *урод*, позднее – *отчеститися*.

Актуальность и значимость лингвоаксиологии родства исследуемого периода подтверждается языковыми данными. Лексема *родъ* в Словаре русского

языка XI-XVII вв. имеет 18 значений (*рождение* – 15, *родство* – 8, *родной* – 15), эпидигматические связи которых свидетельствуют о наличии интегральной семьи 'общность' [40, вып. 22, с. 183–190]. Одно из значений лексемы *родъ* – имя божества, с которым древние славяне связывали рождение и судьбу человека. Многочисленные производные с корнем *-род-* объединяются значениями общности происхождения, единства, родства: *родимецъ, родець, родственникъ, родичь, родня, родный, родной, родимый, родишко, рожаникъ, роженикъ, рожденикъ, родинь* (родственник), *родина, родно* (совокупно), *родство, родительство, родовикъ, родовитость, родоначальник, родословие, родопочитание, рододатный* и *родорачительно* – с заботой о своих родственниках [там же, с. 190] и др. Номинативное поле родства закономерно включает лексемы, обозначающие термины родства. Так, например, список наименований с корнем *-брат-* также свидетельствует о номинативной и семантической плотности идеи родства: *братъ*, м., уменьш.-ласкат. *Братецъ*, м. 1. Брат. || Родственник, находящийся в одинаковой степени родства в отношении к общему предку. *Сведеный братъ* – сводный брат. *Названный братъ* – друг, названный братом по взаимному согласию. То же, что *братенець*, м., *братеникъ*, м.; уменьш.-уничиж. *братишка*, м., *братишко*, м. и с. 2. Равный в каком-л. отношении, собрат. || Согражданин, соплеменник. || Обозначает различные степени старшинства в княжеских отношениях. *Братний, братный* [40, вып. 1, с. 318–319]; *братанъ*, м. 1. То же, что *братаничь*. 2. Двоюродный брат [там же]; *братана* и *братанна*, ж. 1. Дочь брата; племянница. 2. Двоюродная сестра (там же); *братанецъ*, м., *братаничь*, м., *братиничь*, м., *Братитичь*, м., *Братичь* (*Братычь*), м., *Братовичь*, м. Сын брата; племянник [там же]; *Братанична*, ж., *Братична*, ж. Дочь брата, племянница [там же, с. 319]; *Братарство*, с. Признание братом, т. е. равным себе по достоинству [там же, с. 319–320]; *Братати*. Совершать обряд побратимства над кем-н. [там же]; *Брататися, братитися*. Заключать братский союз, становится побратимами. || Называть друг друга братьями; *Братачадъ, ж.* Двоюродная сестра или племянница; *Братеничь, м.* Неродной брат или племянник; *Братенский*, прил. Братский [там же]; *Братчина* (*братицина, братшина*), ж. 1. Праздничный пир вскладчину. 2. Община [там же, с. 326] и мн. др.

Обращает на себя внимание объединение когнитивных признаков «кровное родство» и «родство вследствие заключения братского союза», что вербализуется в глаголе *брататися* и существительном *братарство*, а также закрепление за существительным *братчина* значения 'община'. В современном русском языке, по мнению И. Б. Левонтиной, в слове *родной* на первом плане не факт родства, а «ощущение органической связи, это слово свободно употребляется и для описания отношения к людям, не являющимися кровными родственниками» [4, с. 152].

Сущность статичного локального сообщества древних славян, основанного на ценности родства, можно понять, обратившись также к анализу понятия «мир», который Ю. Степанов относит к константам русской культуры [31].

По нашему мнению, эволюционный семиотический ряд расположен следующим образом: *племя* (от *плодить*, изначально в значении близком современному *родственники*) – *род* (близкое по значению совр. *семья*) – *мир* (исначально в значении 'гармония'; 'обустройство'; 'порядок', в противоположность *воле* как хаосу, позже в значении 'сельская община') – *община* – строго регламентированное обустройство сельской жизни, «ячейка общественного уклада сельской русской жизни (нигде больше в Европе не встречающаяся)» [31, с. 675] – *собор*. Таким образом, основными номинантами лингвoseмиотического ряда родства выступают лексемы *племя*, *род*, *мир*, *община*, *собор*, каждая из которых вербализует когнитивные признаки родства, составляющего ценностное ядро культуры киеворусского периода.

Специфика соборного идеала хорошо просматривается в памятнике древнерусской литературы конца XII века «Слово о полку Игореве». Его идеал — единство, братский союз князей. Причина неурядиц в стране лежит не в той или иной организации общества, но в характере и поведении князей, в отсутствии у них единства, соборного согласия, в том, что они «*розно несут*» Русскую землю. Идеал автор «Слова» видит в том, что «князья возродят былое единство, верность крестному целованию, что брат перестанет говорить брату: „*Се мое, а то мое же*“, поэтому автор не только осуждает князей как виновников „невеселой години“, но и прославляет их как будущих спасителей Русской земли» [12, с. 341]. Идеалом, следовательно, является своеобразное вече глав локальных миров, собрание князей, олицетворяющих части единой страны [5, с. 34].

Лингвоидеология *родства/мира* формирует ценностную доминанту языкового сознания, а также лингвоспецифичность понятия «соборность», которое многие исследователи также относят к константам русской культуры (4; 10; 31; 23]. Языковое сознание древних восточных славян воспроизводит ценности единства, родства (рода или родноверия), впоследствии развившиеся в русскую **лингвокультурную идею соборности** (или древний русский идеал общинности). Вербализованные представления об идеальном обществе, мире – (*на миру и смерть красна, против мира не пойдёшь, на роду написано* и др.), а также высокая номинативная плотность идеологии родства (концептуализация межличностных отношений через родственные связи: *брат, сестра, дядя, тётя* и т. д.), словообразовательный потенциал производящей основы *-род-* подтверждают особое место этого понятия в аксиосистеме древней восточнославянской лингвокультуры.

Любопытно привлечь также материал из близкородственных языков — украинского, белорусского и болгарского; сравнить меру специфичности с русскими соответствиями; так, например, соответствующие показатели для 9-миллионного параллельного русско-украинского корпуса также вполне надёжны. Оказывается, что приблизительно в 90 случаях из 100 мы имеем модель перевода словосочетаний, типа *родной-ая, ое* (*дом, страна, земля, край, город* и т.п.) как *рідна* (укр.) и *родны* (белорус.) и *родната* (болг.), то есть регулярна модель перевода высокой степени эквивалентности. В остальных

случаях (10%) используется трансформация с опущением лексемы *родной* или замена её на прилагательное, например, *собственный (власний)* и притяжательные местоимения (*свій, мій* и др.).

Выводы. Лингвоидеология родства имеет глубинное смысловое значение и отражает понимание окружающего нас мира не только нашими предками, но и, вероятно, может быть отнесена к архетипной модели миропонимания и языкового сознания. Привлечение данных параллельных корпусов позволит обосновать или опровергнуть идею лингвоспецифичности номинативного поля родства в славянских лингвокультурах.

Литература

1. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Часть II. Семантический словарь общеиндоевропейского языка и реконструкция индоевропейской протокультуры. Раздел 1. Семантический словарь общеиндоевропейского языка. Б.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртене, 1998. 420 с.
2. Добровольский Д. О. Корпус параллельных текстов в исследовании культурно-специфичной лексики. *Национальный корпус русского языка: 2006—2008. Новые результаты и перспективы*. СПб.: Нестор-История, 2009, С. 383–401.
3. Дятлов С. А. Духовно-нравственные традиции хозяйствования в России. *Проблемы современной экономики*. 2006. №1/2(17/18). С. 408–413.
4. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелёв А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. (Язык. Семиотика. Культура). Москва: Языки славянских культур, 2012. 696 с.
5. Кавелин К. Д. Наш умственный строй. Москва: Наука, 1989. 194 с.
6. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке. *Языковая личность: культурные концепты*. Волгоград: Перемена, 1996. С. 3–15.
7. Касевич В. Б. Культурно-обусловленные различия в структурах языка и дискурса. *Доклады на XXVth Intl. Congress of Linguists*. Paris, 1997.
8. Ключевский В. О. Терминология русской истории. *Сочинения в 9 т. Т. VI*. Москва: Мысль, 1989. С. 207–224.
9. Ключник Р. История до и после крещения. Том 1. СПб.: СПб СРП "Павел" ВОГ, 2008. – 292 с.
10. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 2006. 624 с.
11. Комков А. А. Духовные проявления в культуре дохристианской Руси. *Аналитика культурологии*. 2010. Вып. 1 (16). С. 18–21.
12. Лотман Ю. М. «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII – начала XIX века. *«Слово о полку Игореве» – памятник XII века*. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 341.
13. Лурье С. Метаморфозы традиционного сознания (опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала). СПб.: Типография им. Котлякова, 1994. 288 с.
14. Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. *Материалы и исследования по археологии СССР*. 1968. № 152. С. 118.
15. Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). Москва: Азбуковник, 2009.

16. Маслий Е. В. Динамические процессы смыслообразования в пространстве концептосферы. *Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія «Філологія»*. Вип. 72. Харків, 2015. С. 54–57.
17. Межжеріна Г. В. Мовна картина світу часів Київської Русі (на матеріалі писемних пам'яток XI – XIII ст.): автореф. дис. докт. філол. наук. Київ, 2006. 36 с.
18. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 704 с.
19. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorgo.ru>
20. Павлова А. В. Сведения о культуре и «этническом менталитете» по данным языка. *От лингвистики к мифу: Лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности»*: Сборник статей. СПб.: Антология, 2013. 352 с.
21. **Повесть временных лет. Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII в.** Под. ред. Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева. Москва: Художественная литература, 1978. С. 22–276.
22. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля в 3-х томах. Москва: Русская книга, 1993.
23. Радбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета Москва: Флинта, Наука, 2010. 328 с.
24. Руссо М. М. Неогумбольдтианская лингвистика и рамки «языковой картины мира». *Политическая лингвистика*. 2014. №1 (47). С. 12–24.
25. Рыбаков Б. А. Языческое мировоззрение русского средневековья. *Вопросы истории*. 1974. №1. С. 4.
26. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян Москва: Наука, 1981. 610 с.
27. Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. Москва: Наука, 1982. 261 с.
28. Сичинава Д. В. Использование параллельного корпуса для количественного изучения лингвоспецифичной лексики. *Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания*. Вып. 10. М., 2014, 37–44.
29. Слухай Н. В. Етноконцепти та міфологія східних слов'ян в аспекті лінгвокультурології. Київ: Київський університет, 2005. 167 с.
30. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. В 3-х томах. Репринтное издание [Электронный ресурс]. – Москва: Книга, 1989. Режим доступа: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=sreznevskij>
31. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования Москва: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
32. Трубочёв О. Н. **Праславянское лексическое наследие и древнерусская лексика дописменного периода** [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.velesovkrug.nm.ru/iskania/lingvoraslav.htm>
33. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. СПб.: Терра – Азбука, 1996.
34. Фроянов И. Я. Древняя Русь. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1995. 704 с.
35. Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1996. 512 с.
36. Фроянов И. Я. Начало христианства на Руси. Ижевск: Издательство Удмуртского государственного университета, 2003. 276 с.
37. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка: Более 5 000 слов. 2-е изд., перераб. и доп. Київ: Рад. шк., 1989. 511 с.
38. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. Москва: Рус. яз., 1999.
39. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Под ред. О. Н. Трубочева. Вып. 1–10, 11, 12–20, 21–30. Москва: Наука, 1974–1994.
40. **Словарь русского языка XI–XVII вв.** [Электронный ресурс]. Вып. 1–28 (1975–2008). Режим доступа : <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3227643>. – Загл. с экрана.
41. Яроцкая Г. С. , Шимуля Р. Лингвоаксиология родства: Россия и Украина в российских масс-медиа. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2017. № (27). С. 65–73.

References

1. Gamkrelidze T. V. Indoeuropeyskiy yazyk i indoeuropeysyi. Rekonstruktsiya i istoriko-tipologicheskiy analiz prayazyka i protokulturyi. Chast II. Semanticheskiy slovar obscheindoeuropeyskogo yazyka i rekonstruktsiya indoeuropeyskoy protokulturyi. Razdel I. Semanticheskiy slovar obscheindoeuropeyskogo yazyka / T. V. Gamkrelidze, V. V. Ivanov. B. : BGK im. I. A. Boduena de Kurtene, 1998. – 420 s.
2. Dobrovolskiy D.O. 2009 Korpus parallelnykh tekstov v issledovanii kulturno-spetsifichnoy leksiki. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka: 2006—2008. Novyye rezultaty i perspektivy*. SPb.: Nestor-Istoriya, 2009, s. 383—401.
3. Dyatlov S. A. Duhovno-nravstvennyye traditsii hozyaystvovaniya v Rossii / S. A. Dyatlov // *Problemyi sovremennoy ekonomiki*. 2006. #1/2(17/18). S. 408– 413.
4. Zaliznyak A. A. Konstanty i peremennyye russkoy yazykovoy kartinyi mira. (Yazyk. Semiotika. Kultura) / A. A. Zaliznyak, I. B. Levontina, A. D. Shmel'Yov. M. : Yazyki slavyanskikh kultur, 2012. – 696 s.
5. Kavelin K. D. Nash umstvennyy stroy. M. : Nauka, 1989. – 194 s.
6. Karasik V. I. Kulturnyye dominanty v yazyke. Yazykovaya lichnost : kulturnyye kontseptyi. V.: Peremena, 1996. S. 3–15.
7. Kasevich V. B. Kulturno-obuslovlennyye razlichiya v strukturah yazyka i diskursa. *Dokl. na XYIth Intl. Congress of Linguists*. Paris, 1997.
8. Klyuchevskiy V. O. Terminologiya russkoy istorii . *Soch. v 9 t. T. VI*. M.: Myisl, 1989. S. 207–224.
9. Klyuchnik R. Istoriya do i posle krescheniya. Tom 1. SPb.: SPb SRP "Pavel" VOG, 2008. 292 s.
10. Kolesov V. V. Russkaya mentalnost v yazyke i tekste. SPb.: Tsentr «Peterburgskoe vostokovedenie», 2006. 624 s.
11. Komkov A. A. Duhovnyye proyavleniya v kulture dohristianskoy Rusi. *Analitika kulturologi*. 010. Vyip. 1 (16). S. 18–21.
12. Lotman Yu. M. «Slovo o polku Igoreve» i literaturnaya traditsiya XVIII – nachala XIX veka. «*Slovo o polku Igoreve*» – *pamyatnik XII veka*. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1962. S. 341.
13. Lure S. Metamorfozyi traditsionnogo soznaniya (opyit razrabotki teoreticheskikh osnov etnopsihologii i ih primeneniya k analizu istoricheskogo i etnograficheskogo materiala). SPb.: Tip. im. Kotlyakova, 1994. 288 s.
14. Lyapushkin I. I. Slavyane Vostochnoy Evropyi nakanune obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR*. 1968. № 152. S. 118.
15. Masliy E.V. Dinamicheskie protsessy smysloobrazovaniya v prostranstve kontseptosferyi. *VIsnik Harkivskogo natsionalnogo unIversitetu ImenI V.N. KarazIna*. SerIya «FilologIya». Vip. 72. S. 54–57.
16. MezhzherIna G. V. Movna kartina svItu chasIv KiYivskoYi RusI (na materIalI pisemnih pamyatok XI – XIII st.): avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk : 10.02.01 / G. V. MezhzherIna. – KiYiv., In-t ukr. movi NANU, 2006. – 36 s.
17. Pavlova A. V. Svedeniya o kulture i «etnicheskom mentaliteta» po dannym yazyka // *Ot lingvistiki k mifu: Lingvisticheskaya kulturologiya v poiskah «etnicheskoy mentalnosti»*: Sbornik statey / sost. A.V. Pavlova. – SPb.: Antologiya, 2013. – 352 s.
18. Povest vremennykh let // *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. Nachalo russkoy literatury. XI – nachalo XII v.* / Pod. red. D. S. Lihacheva i L. A. Dmitrieva. – M. : Hudozhestvennaya literatura, 1978. – S. 22-276.
19. Poslovitsy russkogo naroda. Sbornik V. Dalya v 3-h tomah. – M. : Russkaya kniga, 1993.
20. Radbil T. B. Osnovy izucheniya yazykovogo mentaliteta / T. B. Radbil. – M. : Flinta, Nauka, 2010. – 328 s.
21. Russo M. M. Neogumboldtianskaya lingvistika i ramki «yazykovoy kartinyi mira» // *Polit. Lingvistika=Polit.Linguistics*. – Ekaterinburg, 2014. - #1 (47). S.12-24.
22. Ryibakov B. A. Yazyicheskoe mirovozzrenie russkogo srednevekova / B. A. Ryibakov // *Vo-prosyi istorii*. – 1974. – #1. – S. 4.

23. Ryibakov B. A. Yazyichestvo drevnih slavyan / B. A. Ryibakov. – M. : Nauka, 1981. – 610 s.
24. Sedov V. V. Vostochnyye slavyane v VI–XIII vv. / V. V. Sedov. – M. : Nauka, 1982. – 261 s.
25. Sichinava D. V. Ispolzovanie parallelnogo korpusa dlya kolichestvennogo izucheniya lingvospetsifichnoy leksiki // Yazyik, literatura, kultura: Aktualnyye problemy izucheniya i prepodavaniya. Vyip. 10. M., 2014, 37–44.
26. Sluhay N. V. Etnokontsepti ta mlfologiya shldnih slov'yan v aspekti llingvokulturologiyi / N. V. Sluhay. – K. : KiYivskiy unIversitet, 2005. – 167 s.
27. Sreznevskiy I. I. Slovar drevnerusskogo yazyika. V trYoh tomah. Reprintnoe izdanie [Elektronnyy resurs]. – M. : Kniga, 1989. – Rezhim dostupa : <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=sreznevskij>. (Materialyi dlya slovarya drevnerusskogo yazyika I. I. Sreznevskogo). – SPb., 1893.
28. Stepanov Yu. S. Konstantyi. Slovar russkoy kulturyi. Opyit issledovaniya / Yu. S. Stepanov. – M. : Yazyiki russkoy kulturyi, 1997. – 824 s.
29. TrubachYov O. N. Praslavyanskoe leksicheskoe nasledie i drevnerusskaya leksika dopismennogo perioda [Elektronnyy resurs] / O. N. TrubachYov. – Rezhim dostupa : <http://www.velesovkrug.nm.ru/iskania/lingvopraslav.htm>. – Zagl. s ekrana., S. 137.
31. Fasmer M. Etimologicheskyy slovar russkogo yazika : V 4-h t. – SPb. : Terra – Azbuka, 1996.
32. Froyanov I. Ya. Drevnyaya Rus / I. Ya. Froyanov. – SPb. : Izd-vo Sankt-Peterb. un-ta, 1995. – 704 s.
33. Froyanov I. Ya. Rabstvo i dannichestvo u vostochnyyih slavyan / I. Ya. Froyanov. – SPb. : Izd-vo Sankt-Peterb. un-ta, 1996. – 512 s.
34. Froyanov I. Ya. Nachalo hristianstva na Rusi / I. Ya. Froyanov. – Izhevsk : Izdatelstvo Udmurtskogo gosudarstvennogo universiteta, 2003. – 276 s.
35. Tsyiganenko G. P. Etimologicheskyy slovar russkogo yazyika: Bolee 5 000 slov.

Yarotska G.

LINGUOAXIOLOGY OF KINSHIP IN THE HISTORY OF EASTERN SLAVIC CULTURE

The purpose of this work is to study the language-systemic means of embodiment of the idea of kinship in ancient Eastern Slavic culture and the reconstruction of its conceptual base. Research of the dynamics of semantic and nominative space in the history of Russian culture allowed for the extraction of applicable/nonapplicable, evaluative, and semantic density of the following concept in historical retrospect. The ideological potential of kinship in current Russian discourse of international relations, where the module of kinship (brotherhood) of Eastern Slavic peoples is used as a frequent metaphorical model, forms semantic continuity of the axiocategory of kinship in Russian linguaculture. Its relevance is supported by language facts such as: the dense nominative field of kinship; frequency of lexemes related to kinship retains its high scores as shown by the Russian National Corpus; analysis of parallel corpora of Eastern Slavic languages confirms the semantic continuity of the idea of kinship. Additional evidence from parallel corpora will allow the confirmation or rejection of the idea of linguospecificity of the nominative field of kinship in modern Slavic linguacultures.

Key words: linguoideology of kinship, lexical units of the nominative field of kinship, axiocategories, Eastern Slavic Culture, linguospecificity, parallel corpus.